

Андрей Кивинов

Высокое напряжение

Часть сборника
Сыскной инстинкт (сборник)

Андрей Владимирович Кивинов
Высокое напряжение
Серия «Улицы разбитых
фонарей», книга 10

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128879

Аннотация

«— Деточка, соедините меня с дежурной частью.

Никакой деточки не было. Паша просто дурачился. Причиной тому была дикая жара в кабинете, превращающая пребывание в нем в небольшой ад.

Помимо страшной духоты, в воздухе царили запахи наполненных до отказа пепельниц, потных футболок и носков, ароматы мусорных ведер, забитые недоеденными накануне консервантами китайской ветчины и огрызками огурцов. Плюс ко всему рой мух над головой, слой песка под ногами и влажные стены со всех сторон. Нечто среднее между спортивной раздевалкой и общественным туалетом...»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Кивинов

Высокое напряжение

*Посвящается Олегу, Володе, Леше, а также
всем остальным, благодаря которым наше светлое
общество не погрузилось окончательно во мрак...*

Глава 1

– Деточка, соедините меня с дежурной частью.

Никакой деточки не было. Паша просто дурачился. Причиной тому была дикая жара в кабинете, превращающая пребывание в нем в небольшой ад.

Помимо страшной духоты, в воздухе царили запахи наполненных до отказа пепельниц, потных футболок и носков, ароматы мусорных ведер, забитые недоеденными накануне консервантами китайской ветчины и огрызками огурцов. Плюс ко всему рой мух над головой, слой песка под ногами и влажные стены со всех сторон. Нечто среднее между спортивной раздевалкой и общественным туалетом.

Присутствующие в кабинете общаться старались как можно меньше, дабы не тратить понапрасну свою интеллектуальную энергию. В такой духоте любая умная мысль давалась с трудом, и, чтобы не сморозить какую-нибудь глупость, все

предпочитали молчать.

– Дежурный Королев, – ответил Паше строгий бас вместо воображаемого в мечтах застенчивого голоса «деточки».

– А это я. Как у нас там с мертвецами?

– Кто это «я»? – Дежурный Королев, вероятно, еще не научился распознавать Пашин голос, напоминавший тембром раннего Александра Малинина.

Паша не обиделся, разумеется.

– Достоевский. О, перепутал, – Гончаров. Из группы пролетарского гнева.

– А, ты, Паша. Пока тьфу-тьфу. Бабуля от сердечка представилась, да дядечка в петлю влез. От жары, наверное. А так все.

– Самоликвидаторы не в счет. Отбой связи. Если что, мы на месте.

Паша положил трубку.

– Есть что-нибудь?

Гончаров покачал головой. Бедный вентилятор на столе начал плавиться от нагрузки. Паша нажал кнопку.

– Совсем сдурел? Задохнемся ведь!

– Технический перерыв. Вентилятор тоже жить хочет.

В небольшой комнате кроме Паши находилось еще трое человек. И еще двое из «группы пролетарского гнева» сидели за стенкой. Два кабинета на шестерых – вполне сносно. Вот только с окнами было напряженно – всего одно на те же два кабинета. Паша как раз расположился напротив него.

Если уж быть точным до конца, то двое страдальцев из беззаконного кабинета носились где-то в городе и сейчас их на месте не было. Оставшаяся четверка, к слову сказать, тоже оказалась в сборе чисто случайно. На опорной базе все вместе собирались только утром – послушать сводку, обсудить сплетни, а затем разлететься по району. Дежурный, естественно, оставался на месте.

Какой-то опер из отделения в шутку назвал всю команду группой пролетарского гнева, и название это вскорости крепко укрепилося за ними. Официально же граждане-товарищи именовались группой по раскрытию тяжких преступлений. А точнее, убийств и тяжких телесных повреждений, повлекших смерть. Разумеется, сфера влияния группы распространялась только на один район города Санкт-Петербурга.

В начале года руководство Главка и прокуратуры, озабоченное резким ростом убийств, решило создать новую ударную силу в виде нескольких команд, специализировавшихся именно на этих преступлениях. Директива разлетелась по районам, где была встречена с недостаточным для важности такого вопроса энтузиазмом. Негативные эмоции были вызваны тем, что комплектовать команды надо было за счет внутренних резервов. А вопросы изыскания «внутренних резервов» всегда стоят остро. Там – за счет внутренних, тут – за счет внутренних, но закрома-то не бесконечны.

Официально директива звучала примерно так:

«Создать группы из числа наиболее опытных сотрудников в количестве 6–8 человек».

Недостаток формулировки сразу бросался в глаза. Не стилистические ошибки, нет, а фраза – «из числа наиболее опытных». Кто ж захочет отдавать «наиболее опытных»? «Наиболее опытные» нужны самим. Позарез причем.

Секундочку, секундочку. А где критерий этой опытности? Количество лет, проведенных в отделении, или способность раскрывать кучу преступлений, не выходя из кабинета? Или еще что? И кто решает – опытен сотрудник или просто-напросто салага? Естественно, последнее слово за начальством. За ру-ко-вод-ством. За местным, прежде всего. Оно посмотрит и постановит – достоин! Или не достоин.

Как известно, мнение начальника всегда самое верное, а точнее, единственно верное и обжалованию ни-ни. Что ж, раз так, почему бы тогда не избавиться от неудобных людей, воспользовавшись подвернувшейся под руку директивкой?! Кто проверит – опытный ты или неопытный? Мы считаем, что опытный. Самый опытный. Поэтому дуй в группу и используй свой опыт по назначению. Жалко, конечно, но приказ есть приказ.

Вот тут и собрались опытно-неудобные. Получили две комнаты в здании медвытрезвителя (других свободных помещений на горизонте не наблюдалось, и эти-то выделили временно да с большим скрипом), закупили на свои личные кое-какие канцелярские принадлежности и вступили в борь-

бу со злодеями-убийцами.

Нельзя сказать, что ребята совсем уж были бездельниками, пьяницами и деревянноголовыми. Просто неудобными. Где-то, когда-то, кому-то дорожку перешли. И не из-за характера или по злему умыслу, а по причине необычного подхода к оперативно-розыскной деятельности.

К примеру, Вовчик Белкин, изучающий сейчас наставления по обходу жилмассива, попал сюда за футбол. За самый настоящий – с мячиком, воротами, поляной. Это не запрещено и даже поощряется. Но, к сожалению, не поощряется неверный выбор участников игры.

Вовчик устроил матч с судимыми. Встретился с местным «папой» и договорился сразиться на школьном стадионе. На кону – пять «лимонов». Количество игроков – десять на десять. Число замен неограниченно. Матч посвящен предстоящим Играм Доброй Воли. Подход чисто благородный – менты не хватают во время встречи ребят, находящихся в розыске, а блатные не щиплют по карманам у болельщиков-зевак и не кричат: «Смерть легавым от мяча». То есть «ножа». Все спокойно, без понтов.

На матч собралось тысяч десять зрителей. Судил школьный учитель физкультуры, как человек незаинтересованный. Менты победили. Два-один. Вовчик затолкал в ворота решающий мяч, «пахан» отстегнул пять «лимонов», по очереди откричали: «Команде урок физкульт-ура! Команде ментов физкульт-ура!» и быстренько разбежались. Часть выиг-

ранних денег потратили на покупку дешевого компьютера, а остальные попросту просадили в кабаке.

К компьютеру нужен был модем и принтер, поэтому Вовчик договорился еще на одну игру. Но матч не состоялся. Вовчика дернули на ковер и пробили в его ворота штрафной – говоря попросту, навтыкали по шее. А чтобы он впредь не откалывал подобных номеров, спланировали его в «убойную» группу.

Хотя, по большому счету, футбол – это был всего лишь повод. Вовчик отличался тем, что всегда хотел много знать. «А зачем, а почему?» Ну, и так далее. И ладно бы просто спрашивал, так он еще имел обыкновение не соглашаться с тем, что ему отвечали. Что в системе МВД считается дурным тоном. Вовчик же это обстоятельство слабо улавливал.

Что касается его достоинств, то он обладал подвешенным языком, изворотливой башкой и абсолютной независимостью перед авторитетами – будь то бандитские или милицейские.

Костю Казанцева, в отличие от Вовчика, сгубила страсть не к футболу, а к женщинам.

Они вились вокруг Кости всегда. Не просто всегда, а именно ВСЕГДА. На дежурстве, на происшествиях, в засадах, в рейдах, ну и, само собой, в нерабочее время – во время пьянок, слетов, культпоходов на балет. Один раз Костик умудрился протащить крошку-блондинку на секретное оперативное совещание.

За что женщины любили Константина Сергеевича, для большинства его коллег оставалось загадкой. Вряд ли за внешность, Костик далеко не Аллен Делон, и уж наверняка не за кошелёк – долгов у Казанцева накопилось до следующего года. Но любили.

Паша втайне завидовал Костиным способностям обольщать женщин. Начальник Казанцева, наверняка, тоже завидовал, а зависть – штука неблагодарная.

Чашу терпения переполнила следующая история.

Как-то утром шеф по обыкновению открыл свой кабинет и на любимом кожаном диване обнаружил спящую девчонку. Разбуженная звуком открывающейся двери «герла», увидев начальника, нисколько не смутилась и, зевнув, спросила:

«А ты кто такой?» Немного придя в себя от такой встречи, шеф возмущенно-справедливо спросил: «А кто ты сама такая и почему, зараза, спишь на моем диване, не снимая туфель?!» «А мне Константин Сергеевич разрешил!» Вот так! Сам Константин Сергеевич!

«Ах, Константин Сергеевич?! Ну, сейчас мы быстро разберемся, кто у кого в кабинете спать может. Иди-ка сюда, Константин Сергеевич, подставляй зад и получай с размаху...»

«А что делать было? – жаловался впоследствии Костик. – Девчонка на последнюю электричку опоздала, своего дивана у меня нет, вот я ее к шефу и пристроил. Ключ в дежурке взял запасной и уложил на диванчик. Думал, с утрачка раз-

будить, пока отец-начальник не появился, да не успел – троллейбусы не ходили. Сломались, мать их!»

Так что, теперь Костик тоже очутился в «убойной» компании.

Последним из присутствующих сейчас в кабинете – Пашу Гончарова оставим на потом – был Игорь Петрович Таничев. Именно так, по имени-отчеству следовало обращаться к вышеупомянутому лицу. Потому что Таничев, в отличие от остальных, был настоящим аксакалом. По возрасту он приближался к сороковнику, по стажу работы – к двадцатнику, а по количеству знакомых в районе – к числу неустановленному. Но что больше сотни – определленно.

Что же касается его особенностей, наиболее яркая из них заключалась в том, что он никогда не говорил: «Не знаю». Всегда что-нибудь отвечал, даже если действительно не знал. Прямо «Что, где, когда» в одном лице. Подобная голова была достойна уважения, а личность, носившая эту голову, – вежливого обращения.

Сгубила Петровича тоже страсть. Как это ни печально, самая заурядная страстишка – любовь к спиртному. Ребята Петровича понимали – человек старой закалки, застойного времени и жертва тлетворного влияния социализма.

Перестройку и капитализацию родного общества он воспринял с пониманием и поддержкой, но страсть к выпивке захватил с собой, наверное, на память о коммунистическом строе. Однако стоило кому-нибудь упрекнуть его в излише-

ствах, как он довольно трезво начинал цитировать Дзержинского, мол, милиция – это лучшие представители народа. А раз народ пьет, «то почему представитель не имеет права?» Конечно, Петрович не был завзятым алкоголиком, тем более последним пропойцей, но если находился повод, он никогда не отказывался.

Само собой, пьянство – штука плохая и в органах не очень приветствуется. Но Петровича так долго не увольняли по двум причинам: во-первых, он ни разу «не влетал», и во-вторых, он был весьма неплохим опером.

Имея внешность среднестатистического пьяницы, он быстро находил контакт с гопниками, БОМЖами и прочими низами общества. Когда он вызывал в кабинет подучетный элемент, постороннему глазу было бы трудно определить – где Петрович, а где «элемент». «Элемент» же уважал его за рассудительность, справедливость и внешнюю схожесть. Когда в притоне после совместной пьянки кто-нибудь находил удостоверение Таничева, то без всяких вопросов приносил в отделение – владельцу.

Петрович, постоянно вращаясь в подобном обществе, обладал неплохим знанием оперативной обстановки на своем участке и имел самые высокие показатели. Иногда бедняга-потерпевший еще не успевал обнаружить кражу, а Таничев уже знал, кто ее заделал и где вещички.

При всем этом Петрович чувствовал меру, держал «марку» и не допускал панибратского отношения к себе со сто-

роны «элемента». Ценное качество. Вроде бы свой, но и на расстоянии.

С Таничевым долгое время проводилась воспитательная работа, на собраниях он торжественно клялся завязать пить без закуски в рабочее время, но после тех же собраний нажирался в стельку. Поэтому, недолго помучившись, на воспитательную работу махнули рукой. Только во вред. Человек не в детском саду, сам все решит.

Но при первой удобной возможности от Таничева не преминули избавиться. От греха подальше. Не влетал, не влетал, а вдруг... Сейчас с этим сурово. Не приведи Господь. Получит и влестевший, и начальник.

Петрович не обижался, перевод не влиял ни на должность, ни на звание. Разве что на обратный путь до дома. Теперь приходилось ездить на пару остановок дальше.

Два остальных парня из «убойного» отдела были для всех «темными лошадками». В отделениях они отработали по два месяца, и начальство, дабы не тратить время на обучение и воспитание, спланировало их в группу, вероятно, посчитав, что стаж в два месяца есть вершина опыта. Оба чем-то были схожи внешне – короткий ежик волос, кубик-торс и сбитые до шишек кулаки. Паша в запарке иногда путал их по именам – Лешу с Колей и, соответственно, Колю с Лешей.

Леша, придя в команду, притащил боксерскую грушу, гантели и эспандер, а Коля – перчатки и кимоно. Теперь они, набираясь столь необходимого в оперативной работе опыта,

дружно выколачивали из груши опилки, рассудив, что, чем быстрее они окончательно собьют себе кулаки, тем быстрее научатся раскрывать убийства. Сейчас они укатили договариваться с кем-то насчет спортзала.

Попытки Таничева и Гончарова объяснить, что главное – как раз не умение бить, а умение находить того, кого бить, они восприняли, как Таничев – лекции о вреде пьянства, поэтому на спортсменов махнули рукой. Вот только попросили не ломать перегородку между кабинетами, когда они снова решат поднабраться спортивного опыта. Ремонт нынче стоит дорого. Гораздо дороже груши.

Паша, пожалуй, был единственным, кто попал сюда на демократических началах. Нельзя было сказать, что он идеал оперативника и ему чужды недостатки, имевшиеся у коллег-оперов. Он в полной мере обладал ими всеми, но, может быть, в значительно меньшей степени. Любил выпить, любил женщин, любил футбол. Любил резать правду-матку, но... Всего понемногу. Без последствий и далеко идущих намерений. Типовой проект, как говорят строители. Человек толпы, как заверяют писатели.

В связи с тем что в его отделении опытными были все, а резко бросающихся в глаза недостатков ни за кем не замечалось, то все решил жребий. Пятеро оперов бросили кубики, и после Пашиного броска в отделении осталось уже четверо оперативников, а Гончаров перебрался в вытрезвитель.

До сегодняшнего дня команда не раскрутила ни одного

серьезного убийства, кроме пары «бытовых», что было и понятно. За месяц очень тяжело создать сильную структуру, да и багаж, привезенный из отделений, был тяжел – потенциальные «глухари» с отсутствием каких-либо зацепок. А тут что сто, что тысяча человек – пока нет информации, остается лупить грушу. Заметьте – не околачивать.

Получить информацию можно двумя способами – ждать, когда кто-нибудь позвонит и обрадует, что вашу «мокруху» берут, приезжайте с «пузырем», либо копать самим, согласно утвержденному руководством плану. А так как планы были типовыми и друг от друга ничем не отличались, кроме как фабулой преступления и фамилиями потерпевших, то надежды оставались только на первый вариант. В некоторых случаях даже неизвестно было, где копать. Все вроде проверено, отработано, а результат – ноль.

Поэтому для начала ребята сосредоточились на делах, по которым можно было хоть что-то выкопать. Остальные были засунуты в сейф до лучших времен. Лишь изредка в них подбрасывали липовые справки о проверках якобы поступающих сигналов.

В настоящий момент никто ничего не копал. Ни вширь, ни вглубь. Паша посвятил себя более важному и необходимому занятию. Он изучал тактико-технические данные пистолета имени Макарова, как он его называл. Вот ведь, зараза, экзамен заставляют сдавать, иначе «пушку» на постоянное ношение – кукиш с маслом. А без «пушки» в нынешние

времена никуда. Как без молотка в домашнем хозяйстве.

Признаться честно, до сегодняшнего дня Паша знал только одно тактико-техническое свойство сего оружия – если поставить затвор на затворную задержку, то получившимся сочетанием «рамка-ствол» очень удобно открывать пивные бутылки. А тут, оказывается, столько еще интересного – начальная скорость полета пули, убойная сила, вес с магазином и без. Прямо высшая математика.

Стрелял Паша за всю свою практику только один раз. И то не по преступнику. Лет шесть назад пьяный мужичок, выйдя во двор, стал натравливать свою овчарку на прохожих. Кто-то вызвал милицию. В дежурке случайно оказался Гончаров, отработавший к тому времени в органах недели две.

Когда он и водитель подъехали к месту происшествия, собака уже успела разорвать пальто у двоих гуляющих. И с диким лаем ломанулась на вышедшего из подъезда пацана. Когда страшные челюсти уже готовы были сомкнуться на горле насмерть перепуганного мальчишки, Паша нажал на курок. Не имея никакой стрелковой практики, он тем не менее попал с первого выстрела. Подбежавший водитель добил раненого зверя.

Все бы ничего, но вопрос стрельбы по животным в то время четко регламентирован не был. И хозяин псины, оказавшийся райкомовской шишкой, передернул происшедшее в свою сторону – что ж такое, пьяные менты совсем обнаглели, стреляют по домашним животным мирных товарищей.

История для Паши и водителя могла закончиться, в лучшем случае, вылетом из милиции. Но им повезло, тогдашний начальник РУВД, будучи на короткой ноге с обиженным райкомовцем, замял инцидент. Ни о какой правоте стрелявших речи просто не шло. В итоге Паша с водителем ограничились строгачами, и за Пашей укрепилось новое прозвище – «Член добровольного общества защиты людей от животных».

Пашины открытия в области стрелкового оружия прервал Вовчик, начавший зачем-то цитировать инструкцию вслух. Жарко.

– Необходимо установить владельцев собак и кошек, проживающих в районе совершения преступления, опросить их и выяснить, не видели ли они преступника в месте выгула животных...

– Я бы заодно опросил владельцев хомяков, черепах, канареек и рыбок, – подал голос скучающий Таничев. – На всякий случай. Вдруг повезет?

Внеся коррективу в учебное пособие, Таничев прислонился к холодной стенке и закрыл глаза.

Паша снова врубил вентилятор. Лопасты начали плавно набирать обороты. По радио объявили полдень. Часа в три-четыре в соседнюю дверь вытрезвителя начнут прибывать первые клиенты-пьяницы, оглашая окрестные дома криками-воплями о своем бесправии, о ментовском беспределе, о том, что простому русскому мужику теперь и выпить нель-

зя, и о том, что завтра все станет известно дяде-папе-брату, которые этого ментам так не оставят. Многие уже ничего не будут кричать, откричав свое до того – на свадьбах, именинах, поминках или в «аквариумах» отделений милиции.

К подобному шумовому сопровождению ребята уже привыкли, чего нельзя было сказать об их посетителях. Хорошо хоть вход в группу с улицы был отдельным. На дверях Таничев прибил табличку: «Не входить, убьет! Высокое напряжение». Череп с костями Петрович рисовать не стал ввиду отсутствия таланта живописца.

Объявление избавило группу от ненужного вторжения пьяниц и их родственников с глупыми домогательствами: «А нельзя ли замять, а нельзя ли без протоколов? Давайте, мужики, по жизни договоримся, по-людски».

Жалко в телефонную трубку нельзя было вмонтировать такую же табличку. Телефон был запараллелен с каким-то вытрезвительским кабинетом, и влетевшие граждане частенько добивались прощения у Паши или Вовчика.

Костя, отзвонившись очередной мадам, положил трубку и склонился над грудой бумаг в белых корочках.

Белкин, дождавшись освобождения связи, отодвинул инструкцию, раскрыл свой блокнотик и набрал номер, вслух зачем-то пояснив:

– По трупешнику надо бы определиться...

У Вовчика имелаась привычка иногда сопровождать свои действия комментариями. Вроде как остальным пояснить

надо. Для ясности.

Сейчас он звонил по поводу обнаруженного накануне в подвале мертвого БОМЖа с черепно-мозговой травмой. Кто-то из присутствующих там граждан уверенно заявил, что мужичок жил когда-то в соседнем доме. «Ну, тик-в-тик он. Третий подъезд, седьмой этаж, дверь налево...» Белкин без труда установил телефончик.

– Алло, алло... Квартира семьдесят восемь? Отличненько. Из милиции. Вот такое дело. Мы вчера мужчину нашли. Имеем предположить, что это ваш родственник, вроде как муж. Что значит нашли? Ну, просто нашли. Лежал. Секундочку, секундочку, не пропадайте. Вы когда своего супруга в последний раз видели? Сегодня? Утром? И что, был жив? А, ну да. Тогда еще вопросик, он у вас в каком подвале жил? Алло, алло! Дома жил? Генеральный директор? А-а-а... Сейчас еще минутку подождите. – Вовчик перелистал блокнотик. – Тьфу ты, перепутал! – тихо выругался он. А затем в трубку произнес: – Ну ладно, виноват, значит, ваш родственник жив. До свидания!

Вовчик нажал рычаг телефона, намереваясь перезвонить снова, но телефон мгновенно затрещал, предотвратив очередную подвальную полемику и как бы упреждая выяснение тонкостей быта следующего генерального директора.

Паша успел к трубке первым.

– Слушаю.

– Паша, кто там есть у вас?

Дежурный Королев всегда задавал этот странный вопрос. Какая, в принципе, разница, кто там у них есть?

– Все есть.

– На Вишневке труп в «адресе». Ты как накаркал. Сгоняйте, посмотрите, что там. Местные уже выехали.

– А поподробней? Может, не криминал?

– Может. Если он сам себе руки связал.

– Понятно. Благодарю за новость.

– Заходите еще.

Паша положил трубку. Вытягивать из Королева подробности не имело смысла, он сам еще ничего не знал.

– Поехали, «жмурик» образовался. Вовчик, записку оставь мичуринцам, что мы на происшествии. Пусть сидят и ждут, мало ли помощь понадобится.

– Кому-кому?

– Спортсменам нашим.

– А почему мичуринцам?

– Потому что груши околачивают.

Глава 2

Дом на Вишневой стоял во дворе послевоенной застройки. Барельефы и бутафорские балкончики нелепо топорщились в пространство. Барокко времен позднего социализма. Неширокий свод арки соединял дом с соседним. Весь квартал был застроен аналогичными шедеврами в три этажа. Обитали на Вишневке – так в большинстве своем обзывали эту улицу в микрорайоне – трудящиеся с местного завода, потому что дома были ведомственными. Дворы со своим, устоявшимся бытом, в отличие от новостроек, имели нехитрые традиции, жильцы знали не только соседей по дому, но и по кварталу, что для крупных городов практически несвойственно.

Возле подъезда стоял УАЗик с номером отделения на боку. «Пролетарский гнев» прибыл на место далеко не первым, что не удивительно – транспорт в это время суток на заслуженном перерыве после часа пик.

В подъезде было достаточно прохладно. Местный участковый, признав своих, кивнул на дверь.

На площадке стояло несколько человек из руководства РУВД. Обитая коричневым дерматином дверь была чуть приоткрыта, и из помещения тянуло противным запахом начавшегося разложения.

Ребята поздоровались с начальством. Шеф розыска сухо

кивнул в ответ. Ему сейчас не позавидуешь – назначили на должность, и как прорвало – «мокруха» за «мокрухой». И все глухие. За этот месяц уже седьмая. Приятного мало. А в Главке как смотрят – почему это, товарищ дорогой, до вас все тихо-мирно было, а теперь по два убийства в неделю, и ни одно не раскрыто. Погорячились мы с вашим назначением.

Начальник розыска был мужиком неплохим, большинство понимало, что от него мало что зависит, и где-то сочувствовало.

Таничев заглянул в приоткрытую дверь.

– Что там?

– Парень. Лет восемнадцати. Лежит на диване, руки связаны за спиной, в комнате бардак.

– Установили?

– Пока нет. Мы не рылись до экспертов.

– Понятненько. С экспертами я договарюсь, в обиде не будут. Все равно, другие уже натоптано.

Таничев кивнул Паше. Тот зашел следом. На двери следы взлома отсутствовали. Квартира была двухкомнатной. Ужасный беспорядок присутствовал везде, начиная с прихожей и заканчивая кладовыми, не говоря уже о комнатах.

Парень лежал в дальней комнате, лицом вниз. Руки спутаны скотчем для оклейки окон. Все стало ясно с первого взгляда. По всей спине растеклось грязно-бурое пятно, резко контрастирующее с белой футболкой.

– Ножом?

- Да. Вон, рукоятка на ковре. Лезвие, наверное, в теле.
- Бедняга. Хуже всего, когда в спину.
- Ты что, пробовал?
- Я не к тому. Как поросенка зарезали. Спокойно, сзади.
- Да. Что творят, суки!

Петрович осторожно повернул голову мертвеца. Волосы застыли в запекшейся крови. Должно быть, парня сначала оглушили. Тело лежало где-то дня два, но, благодаря тому, что форточка была открыта, воздух не отличался особой спертостью и вполне можно было обходиться без противого-

за.

- Глянь, чегой-то у него с руками?

Петрович перевел взгляд. Между пальцами обеих рук остались следы засохшей крови.

- Не знаю...

Паша двумя пальчиками, за уголок (а то эксперты и в самом деле могли вой поднять) взял валяющуюся на журнальном столике общую тетрадь.

- Что там?

– Медицинская карта. Чернов Юрий Сергеевич семьдесят пятого гз-рэ, уроженец Челябинска живет там же, улица то ли Цвеллера, то ли Швеллера, тут неразборчиво.

– Был такой. Говорят, кучу людей повесил в революцию. Соратник. Фотки пацана нет?

– Не. Прививки, краснуха, опять неразборчиво, анализы всякие.

– Да он, кто ж еще? Вот так и бывает. Растет, растет, привочки, осмотры, анализы. А потом... Н-да. Перепиши данные – и на выход. Эксперты приехали.

Под окном слышался шум подъехавшего экспертного автобуса.

Паша бегло осмотрел журнальный столик, но, кроме учебников средней школы и черного корейского плеера, ничего не обнаружил. Под раскрытым учебником математики лежали отпечатанные на машинке листы с экзаменационными билетами.

Паша нагнулся и взглянул на «шапку» текста. «Санкт-Петербургская морская техническая академия».

Положив на место медицинскую карту, он вслед за Таничевым направился к выходу.

На площадке публики прибавилось. Старший эксперт уже читал лекцию Таничеву о последствиях нарушения первоначальной обстановки места происшествия, о проблемах идентификации и о последних достижениях в области мировой криминалистики. Суть всей этой нотации можно было выразить в трех словах: «Ну, ты мудака!»

Таничев, конечно, догадывался, что идентификация – вещь необходимая, и не обижался, понимая правоту эксперта.

Среди прибывших Паша заметил незнакомого суетливого парнишку лет двадцати с небольшим в райотделе раньше не числившегося. Завидев Гончарова, тот резко отделился от

начальствующей группы и, вытянув вперед шею, подал Паше руку:

– Шаминский, из Главка. Ну, что там у нас?

– «Глухарь», что ж еще?

– Ай-яй-яй... Так-так-так. Тебя, вообще, как звать?

– Паша.

– Да, вот такие дела. Надо работать, ай-яй-яй. Слушай, раскроете – сразу в приказ. Всех! Давайте, мужики. Что твориться, что твориться..! Любая помощь от нас – пожалуйста. Зеленую улицу, Слава, зеленую улицу.

– Я не Слава, я Паша.

– Да, да, извини. – Суетливый Шаминский отошел открывать «зеленую улицу» эксперту.

В квартиру больше никто не заходил. Ждали следователя прокуратуры. Наконец прокурорский «жигуль» припарковался рядом с остальным транспортом.

На площадку поднялся следователь местно прокуратуры Иголкин – мужичок лет двадцати пяти, одевавшийся явно не у лучших кутюрье Питера. Мятый костюм-двойка хорошо сочетался с резиновыми кедами, галстуком и бейсболкой-сеточкой с надписью «Калифорния». Из-под кепочки торчали длинные волосы, слегка подернутые завитком. Лицо же Иголкина бывшее подернуто следами вчерашнего вливания.

– Где материал?

Участковый протянул свой рапорт и объяснения соседей. Следователь поставил на пол потерянный в боях за справедлив-

вость «дипломат», сел на него и начал изучать бумаги.

– Так-так, хватит стоять, давайте все по квартирам, – подал команду кто-то из руководства. – Всех на объяснения. Кого дома нет – отмечайте, вечером зайдем.

Паша не любил эту суету и неразбериху на местах происшествий. Каждый хочет проявить активность, иногда абсолютно ненужную и неуместную. С другой стороны, это понятно – надо ведь что-то делать? Не стоять же под дверьми? Но хотелось бы сначала уточнить, что спрашивать у соседей-жильцов. Особенно из других подъездов. А то позволишь и стоишь перед открывшими двери людьми как умник: «Здрасьте, вот мы тут из милиции. Вы случайно не того? Не видели что-нибудь? А что именно мы пока сами толком не знаем...»

«Как же, видали! Васька из восьмой квартиры вчера у подвала ссал по-пьяни, стервец...»

«А больше ничего?»

«Больше ничего».

«До свиданья».

«До свиданья».

О том, что в доме произошло убийство, говорить почему-то не рекомендуется. А через час может выясниться, что преступник уехал на машине или еще что-нибудь, и давай по второму, а то и по третьему кругу соседей обходи.

«Здрась, это опять мы...»

А люди думают: «Во, ребята дают! Чудные какие-то. Ни-

чего у нас милиция, веселая».

Стройный ход Пашиных мыслей прервал Таничев:

– Пойдем канареек поищем.

– Да, сейчас.

Стоявший рядом Шаминский снова вытянув шею:

– Каких канареек? Каких канареек, Слава?

– Да не Слава я. Васей меня зовут, еб...

Глава 3

Паша незаметно сплюнул себе под ноги. Горечь дешевых бесфильтровых сигарет неприятно жгла рот. Свои кончились, пришлось стрельнуть у собеседника. Чистый бланк протокола с заполненной «шапкой» лежал на столе, ожидая прикосновения Пашиной перьевой ручки. Паша держал в ящике письменного стола пузырек с фиолетовыми чернилами и старенькую перьевую ручку, сохранившуюся со времен дипломного проекта. Что-то типа ностальгии по студенчеству.

Записывать показания он не торопился, хотелось сначала определиться с устным вариантом будущего протокола.

Собеседник – дядечка лет сорока – предано-выжидающе смотрел на Гончарова и теребя в руках тряпичную кепочку.

«Как медведь в цирке, – почему-то подумал Паша. – Дайте сахарку – еще станцюю!»

Выпрямившись после плевка, он еще не сколько секунд разглядывал дядечку, после чего уточнил:

– Это все?

– Ну, в общем, да.

«Ну в общем, нет», – про себя решил Гончаров вслух произнеся ничего не значащее:

– Гкхм...

Дядечка был хозяином квартиры, в которой поиключи-

лось убийство. Его неожиданно оторвали от спокойной, дачно-огородной жизни, прямо, можно сказать, на грядке взяли и привезли на милицейском УАЗике в отдел по расследованию убийств. Естественно, он долго не мог собраться с мыслями, теребил кепочку и курил свою «Приму».

Паша не торопил его. Не каждый день в твоей квартире мертвецов находят, чай, не крематорий, а обычный сталинский дом. Но терять понапрасну время не хотелось, здесь не дискуссия о существовании Бога и дьявола, а вполне конкретная тема.

– Что ж, Николай Филиппыч, ситуация где-то мне ясна, но, сами поймите, она слишком поверхностна для такого варианта.

– Я понимаю.

– Буль-буль-буль! Давайте нырнем поглубже. И без всяких недоговорок и умолчаний.

– Вы что, на меня думаете?

– Я могу, как вы говорите, думать на кого угодно, даже на свою будущую тещу, а поэтому не будем раньше времени паниковать и махать крыльями. Всего лишь вспомним все подробнее. Это не сложно.

– Ну...

– Правильно. Тады начнем.

Паша еще раз сплюнул под ноги.

– Дня четыре назад вы сдали свою квартиру Жернову Юре, приехавшему в Питер из Челябинска для поступления

в институт.

– Ну да...

– После чего уехали на дачу, где и пребывали до сегодняшнего дня. Юра приехал к вам объявлению, снятому со столба.

– Я и в газетах давал.

– Но он объяснил, что сорвал телефон столба?

– Да, да.

– В принципе, это не существенно. Разумеется, вы даже приблизительно не представляете за что его могли убить?

– Конечно!

– Эх, незадача. Ладненько. Что он привез с собой?

– А мне откуда знать? Чемодан у него был, сумка черная, спортивная, а что в них – без понятия.

– На сколько он собирался остановиться?

– На месяц. Деньги вперед внес.

– У вас хранились в квартире какие-нибудь ценности?

– Какие у меня ценности? От хорошей жизни, что ли, квартиру сдаю? Слава Богу, участок есть во Мге с временкой.

– Понятно. Дачный сезон во Мге открывается в мае. Сейчас июль. Стало быть, квартирный бизнес процветает с мая? Верно?

– Ну... Если честно, да.

– А что вы волнуетесь? Ну, сдаете жилплощадь и сдаете, кому какое дело?

– Я же неофициально...

– А, налоги, паспортный режим... Бывает, Многим вы успели сдать свою квартиру в этом году?

– Парнишка вторым будет.

– А до него?

– Тоже парень жил.

– Что за парень? Давайте, Николай Филиппыч, давайте. Форсируем разговор.

– Откуда я знаю, что за парень? Звать Маратом, кажется, с Кавказа.

– А точнее?

– Не помню. Может быть, Дагестан. Говорил, что бизнесмен.

– Торговля?

– Наверно. Я, когда приезжал за почтой, коробки в комнате видел, вещи всякие.

– Так, может, там гранатометы были? Или мины?

– А мне какое дело? Деньги он без задержек платил, беспорядков не наблюдалось.

– Он тоже со столба?

– Я уж не помню, может, с газеты.

– Не интересно как-то с вами, Николай Филиппыч. Не помню, не знаю...

– Ну, честно не помню.

Паша вздохнул:

– Клубнику, значит, выращивали? Как урожай?

– Почти закончился.

– Ну, тогда слава Богу.

– Не понял?

– Что делать с вами будем? Очень вы непонятливый человек. Прямо школьник у доски: «Я учил, но забыл».

Николай Филиппович пожал плечами.

– Ладно, – продолжил Гончаров. – Ключей от квартиры сколько имеется?

– Два комплекта, – оживился дачник. – один мой – вот он, второй я Юре оставил.

– Этот же комплект побывал у Марата?

– Да, этот, с тряпочкой.

– Юра не говорил, есть у него знакомые в Питере?

– Не говорил.

– А почему Марат съехал?

– Да он не объяснял. Съехал и съехал.

– Секундочку, секундочку. Он заранее вас предупреждал, что съедет? Или резко руки в ноги?

– Вроде предупреждал. Ну да, предупреждал. Я ж снова потом объявление дал.

– Куда он собирался уезжать?

– Сказал, что жилье нашел. У приятеля, кажется.

– Вы присутствовали при отъезде?

– Да, как же. Все проверил, еще поскандалили с ним из-за квартплаты. Он мне заявляет, мол, плачу деньги и будьте любезны. А квартплата? Извините, за то, что электричества

на столько нажег, кто платить будет? Я? Кукиш вам с пластилином. Поругались-поругались, отдал он мне еще двадцать пять тонн, и разошлись. Ключи мне вернул и укатил.

— На чем укатил?

Николай Филиппович смутился:

— На... на машине.

— Серьезно? Я, вообще-то, и сам догадался, что не на экскаваторе. Вопрос ясен?

— На такси.

— А коробки?

— И коробки были. Только поменьше, кажется. Чемодан еще, несколько сумок.

— Вы потом в квартире ничего чужого не находили?

— Не находил.

— А искали?

Дачник опять заерзал.

— Искали, искали.

Мужичок не ответил.

— Через сколько дней объявился Юра?

— Да сразу и позвонил. Я только с вокзала вернулся. Договорились, он и приехал. Я растолковал ему где что, предупредил, чтобы не приводил никого, и на дачу уехал.

Зашел Таничев. Поставив в угол кабинета пустую бутылку из-под пива «Балтика», он плюхнулся на самодельный диван и закинул руки за голову.

— Вам долго еще?

– Заканчиваем.

– Там группа сворачивается, пошли на хату, надо с вещами определиться.

– Да, сейчас. Значит, так, Николай Филиппыч, будем считать, что дачный сезон для вас временно закончен.

– Как закончен? А клубника? Пропадет ведь!

– В горшках выращивайте. Сидим дома, пока не дадут разрешение на отъезд. И не просто сидим, а активно вспоминаем все про Марата, Юру и всех остальных. Ясно?

– Не ясно. Почему это я не могу уехать?

– Да потому, козел, – не выдержал Таничев, – что в твоей конуре парня убили...

– А-пр-пр...

– Паша, двинули.

Удивительно, но поезд прибыл точно по расписанию. Это редкость для дальних маршрутов. Проскочив с бешеной скоростью последние километры пути, он плавно замедлил ход буквально перед самой платформой и минута в минуту остановился на главном вокзале Санкт-Петербурга.

Сергей помог пожилой попутчице достать чемодан с верхней полки, спустил вниз свои коробки и рюкзак и стал пробираться к выходу из вагона. Узкий коридор был забит пассажирами, жаждущими побыстрее покинуть душную тесноту поезда.

Сергей впервые приехал в Питер, поэтому в настоящую секунду испытывал легкий трепет. В больших городах он, ко-

нечно, бывал. Даже в Москве, но Питер есть Питер. И командировочные заботы сейчас отошли на второй план. Прежде всего хотелось окунуться в неповторимую атмосферу северной столицы.

Он вышел на платформу и легким шагом направился в сторону здания вокзала. Больше всего ему сейчас не хотелось казаться приезжим, не знающим, как вести себя в незнакомой обстановке, поэтому он небрежно отказывался от услуг частников-водителей, шныряющих по вокзалу, и даже не смотрел на бегающих по платформе продавцов газет и сувениров.

Тем не менее перед огромным вокзальным залом-ангаром он в нерешительности остановился, прикидывая в голове дальнейшие действия.

Вокзал напоминал огромный человеческий муравейник: толкотня, суматоха, крики носильщиков: «Па-берегись! Па-берегись!», объявления об опоздании поездов, грохот от сцепки вагонов, шум от милицейских раций и, как фон, гул людских голосов.

Для начала – жилье. Сергей отошел к стенке, чтобы не мешать потоку пассажиров, поставил на землю коробки и достал из куртки заранее купленный путеводитель. Присев на одну из коробок, он начал внимательно изучать схему города, отыскивая на ней ближайшие от вокзала гостиницы. Выписав в блокнотик штук пять адресов, Сергей поднял поклажу и бодро зашагал к камерам хранения.

Когда Паша переступил порог квартиры, процедура осмотра уже подходила к концу. Эксперты потихоньку складывали свои хитрые приспособления в чемоданы; медик диктовывал следователю результаты осмотра трупа; Костик Казанцев с участковым сортировали листы с данными поквартирного обхода.

В углу, перед выходом, лежали изъятые при досмотре вещи: куски линолеума со следами неизвестно чьих – возможно, Таничевских или Гончаровских – ботинок, выпилы из косяков дверей, перепачканные криминалистическими порошками, и, в завершение, сама дверь, снятая с петель и приготовленная к выносу для исследования в лабораторных условиях.

Нынешний руководитель экспертной службы был застрельщиком прогрессивных методов обнаружения следов и предпочитал искать их в более спокойной обстановке и, соответственно, более тщательно. Поэтому экспертный отдел был полностью заставлен дверьми, косяками, различными полками, журнальными столиками и прочей домашней утварью. Вершиной изъятия вещественных доказательств стало старинное пианино, которое месяц назад Паша вместе с двумя техниками-криминалистами по указанию шефа еле-еле перетащил из осматриваемой квартиры в экспертный отдел. На пианино якобы остался след очень важной для дела ладони, исследовать который можно было исключительно в лаборатории.

К концу путешествия на пианино, наверно, не осталось вообще никаких следов, за исключением пятерней, принадлежащих Паше и ребятам-техникам. Однако, судя по звукам «Собачьего вальса», изредка доносившимся из-за дверей экспертного отдела, кто-то до сих пор продолжал искать улики внутри музыкального инструмента.

В результате захламления собственных апартаментов, эксперты мало-помалу начали отвоевывать помещения у соседей – у бухгалтерии, инспекции по делам несовершеннолетних и других служб. Под конец они ухитрились захватить даже женский туалет, быстренько переоборудовав его под очередную кладовую.

Начальство не препятствовало захвату чужих территорий потому, что ссылка на новые методы работы являлась абсолютно железным аргументом и дальнейшему обсуждению не подлежала.

Сегодня эксперты явно поскромничали, изъяв всего лишь дверь и несколько вещдоков, упакованных в коробки.

Паша, перешагнув через сложенное добро, подошел к Костику.

- Есть что-нибудь?
- Голяк. Вчера ж выходные были. Многие на даче.
- Что, совсем пусто?
- Так, по мелочам. Кто-то машину видел, но марку не запомнил, кто-то – черных подозрительных. Естественно, без примет.

– У нас любят все на черных валить. А по осмотру?

– Тоже почти ничего. Даже не можем определить, что пропало. Вы в Челябинск отстучали?

– Отстучали. Ребята где?

– Таничев по пути в «адрес» зарулил, у него где-то тут «человек» живет. Вовчик в горпрокуратуре, за какой-то старый «глухарь» поехал отчитываться, а мичуринцы с хозяином сидят у нас.

– Хозяин что?

– Да ничего, – сплюнул Гончаров.

– Понятно.

Оба еще с минуту повздыхали. Строить версии вслух для демонстрации своей находчивости и дедукции они не хотели, поэтому предпочитали молчать.

Приехала спецмашина из морга. Санитары, положив на носилки тело Юры, накрыли его простыней и вынесли из квартиры.

– Ключи нашли? – вновь обратился Паша к Казанцеву.

– Да, в куртке.

Из второй комнаты выглянул один из экспертов:

– Мужики, гляньте, чего надыбал.

В руках он держал обыкновенный одноразовый шприц с бурыми разводами на внутренней поверхности.

– Под диваном, вон там валялся. Судя по всему, давно – пыли многовато. Я упакую на всякий случай...

– Давай.

Паша еще раз бегло осмотрел комнату, несильно стукнул кулаком по испачканной стене и зло прошептал, обращаясь непонятно к кому:

– Тьфу, бя...

Таничев постучал в дверь, хотя на косяке имелся звонок. Это было заранее оговорено – «на случай незапланированных визитов». У «человека» мог кто-нибудь быть, и, позвонись Таничев, хозяину пришлось бы открывать, а когда постучат, можно сослаться на соседских ребятишек, постоянно мешающих мирному отдыху.

«Человек» был один. Он осторожно приоткрыл дверь, оставив щелку в два пальца шириной, и, наконец убедившись, что не ослышался, впустил Таничева, после чего запер замок на два оборота.

Петрович, не снимая ботинок, знакомым путем прошел на кухню, вытащил из-за пазухи купленную в ларьке бутылку «Пшеничной» и сел на шатающуюся табуретку.

– Закусь найдешь?

«Человек» кивнул, покопался в небольшом стареньком холодильнике, извлек из него горбушку вареной колбасы и миску с квашеной капустой. Затем достал из полиэтиленового пакета полбуханки черного хлеба и присоединил к имеющемуся ассортименту.

Два граненых стакана дежурно стояли на белом кухонном столе. Таничев зубами сорвал пробку с бутылки и наполнил стаканы до половины.

– Давай, за встречу.

Оба, не чокаясь, опрокинули водку, крикнули и закусили капустой. Петрович достал измятую пачку «Беломора» и, закулив, небрежно бросил ее на стол.

«Человек» сел на вторую табуретку и тоже прикурил, задушив спичку пальцами разрисованной наколками руки.

– Как жизнь?

– Живу. Тебя что не видно давно?

– Я перешел из отделения.

– Повышение?

– Не сказал бы. Так, профиль другой. Ты-то где? Все в магазине?

– Там. Мне хватает. И с харчами всегда. Импорта, правда, много стало, дорого. Доллар растет, тырить рисковно, кто заметит – настучит. Могут вытурить.

– Что нового в районе?

– А что у нас нового? Витька рыжий сел за «карман», Танька-Катастрофа коньки кинула – «красной шапочкой» объелась. А так, пустота... Водка «Распутин» – один раз вверху, второй – внизу...

– Твоя-то где?

– На работе еще. Скоро должна. Тоже какая-то стала. Придет, и к телеку сразу – Барбар всяких смотреть. Хоть выкидывай.

– Кого, ее?

– Телевизор.

– Ясно.

Таничев плеснул в стаканы, и оба повторили заплыв на короткую дистанцию.

– Ты что, по делу?

– Да так, мимо шел, решил навестить.

– Говори... Стареешь ты, Петрович. Последний раз веселее был.

– Можно подумать, старость влияет на настроение. Ты, что ль, не стареешь?

– По мне не так заметно. А тебе полтинник дать можно.

– Пустые разговоры. Сколько написано на роду, столько и протяну. Я, слышь, чего говорю? Парня на Вишневке зарезали, восемнадцать лет. Знаешь чего?

– Когда?

– На днях, скорее всего, в пятницу.

– На улице?

– В хате. В восьмом доме, в пятой квартире. Комнату снимал. Студент. Вернее, поступал. Не поступил.

– Не слышал. За что?

– Откуда я знаю? Сейчас за стоху рваную пришить могут.

– Да, беспредела много. Не завидую я вам, Петрович.

– А, – махнул рукой Таничев. – Людей жалко. И убитых, и живых. Обидно, что все хуже и хуже – просвета нет. Да ладно. Ты это, крючки закинь. Вдруг где клонет.

– Поспрашиваю. Пятая квартира? Филиппыч, что ли, дачник?

– Дачник. Знаком?

– Так, у ларька иногда словечком перекинемся.

– Он сейчас в городе зависнет. Перекинься с ним. Может, что не договаривает?

– Увижу – поспрашиваю.

– Поосторожней только. Хотя... Чего тебя учить, сам грамотный. Вот телефончик, отзовонись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.